

ЛІТЕРАТУРА

1. Галич О. А. Українська документалістика на зламі тисячоліть: специфіка, генеза перспективи: монографія. Луганськ : Знання, 2008. 200 с.
2. Гинзбург Л. О психологической прозе. Москва : Intrada, 1999. 413 с.
3. Ключек Г. Енергія художнього слова. Кіровоград : Ред.-видавн. відділ Кіровоград. держ. пед. ун-ту ім. Володимира Винниченка, 2007. 448 с.
4. Коцюбинська Михайлина. Історія, оркестрована на людські голоси: екзистенційне значення художньої документалістики для сучасної української літератури. Київ : Вид. дім "Києво-Могилянська академія", 2008. 70 с.
5. Павличко Дмитро. Спогади. Київ : "Ярославів вал", 2015. 488 с.
6. Танчин К. Я. Щоденник як форма самовираження письменника: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.01.06. Тернопіль, 2005. 20 с.

УДК 821.161.1

DOI <https://doi.org/10.26661/2414-9594-2018-2-21>

**ПРАВОСЛАВНАЯ АГИОГРАФИЯ
И РОМАН ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА “ЛАВР”**

Чорний І. В., д. філол. н., професор

*Харківський національний університет внутрішніх справ
пр. Льва Ландау, 27, м. Харків, Україна*

Статтю присвячено творчості сучасного російського письменника Євгена Водолазкіна, зокрема його роману “Лавр” (2012). Розглянуто жанрову природу твору, який можна вважати спробою створення літературно-художнього житія. Проведено паралелі між романом і низкою агіографічних пам'яток (переважно православних), що дозволило дійти висновку, що образ головного героя є збірним, а його життєва історія – це узагальнене життє, що включає основні сюжетні компоненти, найбільш типові для агіографії.

Ключові слова: неісторичний роман, агіографія, життє, інтертекст, алюзії.

**ORTHODOX HAGIOGRAPHY
AND THE NOVEL OF EVGENIY VODOLAZKIN “LAVR”**

Chorny I. V., Doctor of Philology, Professor

*Kharkiv National University of Internal Affairs
Lev Landau av., 27, Kharkiv, Ukraine*

The article is devoted to the works of modern Russian writer Evgeniy Vodolazkin, in particular, to his novel “Lavr” (2012). The genre nature of the work, which can be considered as an attempt to create a literary and artistic saint’s life, is examined.

The study of the novel “Lavr” shows that the author, proceeding from brining his attention to the question of portraying “different types of Russian holiness”, constructs the character and biography of his hero based on more than a dozen of hagiographic texts. These texts are mostly Orthodox, although there are some excursions to the lives of the Saints, glorified by the Western (Catholic) church.

Vodolazkin takes from the saint’s lives either certain situations with a plot, taking Lavr through the analogous trials, or some kind of behavioral features of the Saints, giving the same ones to his marvelous doctor. These are typically postmodern plays with the hero and the reader. The creation of the hero takes place in the eyes of the reader, who also must participate in the “construction”, which requires some preparation, involving at least partial acquaintance with Orthodox hagiography.

In most cases, the author himself points to the sources, giving the names of almost all Saints, resembling Lavr, and if desired, the reader may refer to the original sources in order to clarify the writer's intention for himself.

The parallels between the novel and a number of hagiographic monuments (predominantly Orthodox) are carried out. The main hagiographic text used to create the image of the hero of the novel “Lavr” was the saint’s life of the

Reverend Arsenius the Great. Like his holy patron, Vodolazkin's character possesses an enormous erudition and avoids the secular glory. We also find the parallels at the end of the real and fictitious Saints' lives. And even in death, Lavr wants to become like Arsenius the Great, who ordered to profane his body.

Along with Arsenius the Great, an important place in the fate of the hero of the Vodolazsky's novel is played by St. Christopher, in honor of which the grandfather of the young Arsenius was named. St. Christopher in the novel "Lavr" is an Orthodox Saint, inseparably linked with Russian folklore.

The motive of the wild beast tamed by the Saint is quite common in both Orthodox and Catholic hagiography. In the same manner the Saints Jerome of Stridonium and Gerasimus of the Jordan tame the lions. An episode with a tamed wolf we find in the biography of the Catholic Saint Francis of Assisi. The Russian Saints Sergius of Radonezh and Seraphim of Sarov are on friendly terms with the bears.

The two names which belonged to the hero between his adolescence and old age, Justina and Ambrose, send us to the holy lives of the Saints Cyprian and Justina, as well as Ambrose of Mediolanum. The mentioning of one more Saint's name Simeon the God-receiver is connected with the hero's journey to Jerusalem. The story about the salvation of the loose woman by at the price of his own reputation is found in the saint life of Saint Vitalis of Alexandria, which served as the source for the story about rescuing the sinned girl Anastasia by Lavr.

Studying the text of the novel "Lavr" by E. Vodolazkin allows us to conclude that the image of the main character is a combined, and his life story is a generalized saint life, which includes the main plot components that are most typical of hagiography.

Key words: non-historical novel, hagiography, saint life, intertext, allusions.

Анализ исследований по этой проблеме. Роман Евгения Водолазкина "Лавр", изданный в 2012 году, стал одним из заметных литературных явлений современной российской словесности. Книга была удостоена нескольких престижных премий. Её выход вызвал пристальный интерес читателей, критиков и литературоведов, отметивших прежде всего оригинальность жанровой формы произведения. Сам автор назвал свое сочинение "неисторическим романом", хотя в тексте есть прямые указания на время, когда происходят события "Лавра" (XV век). При этом хронотоп здесь довольно размыт, охватывая время от Александра Македонского до 80-х годов XX века, а пространство – от Вологодчины и Псковщины до регионов Ближнего Востока.

Изучению жанровой природы "Лавра" посвящено несколько литературоведческих работ, среди которых в первую очередь следует выделить статьи Т. С. Владимировой, А. Д. Маглий, Н. Г. Махиной и М. М. Сидоровой. Исследователи справедливо указывают на сложность сюжетно-композиционной и пространственно-временной организации романа, отмечают его связь с древнерусской литературой и прежде всего агиографией. Вместе с тем более углубленное изучение житийного интертекста произведения существенно расширило бы представления как о поэтике романа Водолазкина "Лавр", так и об особенностях освоения агиографического жанра современной художественной литературой.

В данной статье мы рассмотрим особенности отражения в романе Евгения Водолазкина "Лавр" житийного интертекста, выяснив его генеалогию, указав на ряд агиографических источников, которыми мог пользоваться автор при создании произведения.

Говоря о художественных особенностях своего романа, Е. Водолазкин отмечал сходство "Лавра" с древнерусскими текстами, в которых практически не было вымысла: "Выдуманного там очень мало. В основных позициях все это соответствует древнерусским реалиям. Я жил в этих вещах тридцать лет. С одной стороны, я показываю разные типы русской святости. Но с другой – я просто пытаюсь понять, что связывает меня, нынешнего, и меня, скажем, двадцатилетнего, если ученые установили, что за семь лет меняются все клетки человеческого тела. В романе общее – это верность любви, верность тем заповедям, которые герой юношей воспринял от своего учителя, верность тому опыту, который в процессе жизни приобретался" [4]. Конкретных источников, которыми пользовался романист при написании, он не называет: "Герой вырос из десятков такого рода людей, существовавших в Древней Руси. Одного прототипа нет. Это герой древнерусских житий, древнерусских сказаний, летописей, хронографов. Все они влились в моего Лавра и стали его литературными предками" [1].

Исследователи, единодушно подчеркивая связь "Лавра" с житийной литературой, как правило, ограничиваются лишь указанием на некоторые явные параллели с агиографическими

текстами. Так, Т. С. Владимирова, справедливо отмечая, что “Водолазкин использует только сюжетные элементы жития, а не повествовательные стратегии” и “на страницах “Лавра” мы не найдём ни прославления Бога, ни благодарственных речей творцу за то, что он даровал миру такого праведника” [1, с. 25], упоминает “Житие Сергия Радонежского” как явный источник рассказа о дружеских отношениях юного Арсения с животными. Н. Г. Махинина и М. М. Сидорова, характеризуя приемы воссоздания Водолазкиным местного колорита, полагают, что романист обращался за историческими деталями к древнерусским текстам – “летописям (Псковской, Белозерской), патерикам (Синайскому, Киево-Печерскому), житиям святых (Арсения Великого, Симеона и др.)” [11, с. 273].

Изучение романа “Лавр” показывает, что автор, исходя из поставленной перед собой сверхзадачи изобразить “разные типы русской святости”, “конструирует” характер и биографию своего героя на основании более десятка агиографических текстов. Преимущественно православных, хотя имеются и некоторые экскурсы в жития святых, прославленных западной (католической) церковью. Водолазкин берет из житий либо определенные сюжетные ситуации, проводя Лавра через аналогичные испытания, либо какие-то поведенческие особенности святых, наделяя такими же своего чудо-лекаря. Это типично постмодернистские игры с героем и с читателем. Сотворение героя происходит на глазах читателя, который тоже должен участвовать в “конструировании”, для чего нужна некоторая подготовка, предполагающая хотя бы частичное знакомство с православной агиографией. В большинстве случаев автор сам указывает на источники, называя имена почти всех святых, с которыми “схож” Лавр, и при желании читатель может обратиться к первоисточникам, чтобы прояснить для себя писательский замысел.

Основным агиографическим текстом, послужившим для создания образа героя романа “Лавр”, стало житие преподобного Арсения Великого, память которого православная церковь отмечает 8 мая. В честь него герой был крещен и имя Арсений становится главным для чудо-лекаря на протяжении всей жизни. Как бы ни назывался он в тот или иной отрезок своего земного бытия, автор обращается к нему как к Арсению. Так же, как и его святой патрон, персонаж Водолазкина обладает огромной ученостью и так же бежит мирской славы. “Но чем большая слава окружала Арсения, – говорится в житии, – тем больше он скорбел духом, потому что сердце его не лежало ни к славе, ни к богатству, ни к суетной мирской похвале” [8, IX, с. 248]. Аналогично поступает и чудо-лекарь, не задерживаясь подолгу на одном месте, чтобы не впасть в соблазн гордыни и не забыть об обете, данном умершим Устине и сыну. Смирненное поведение Арсения Великого в александрийском монастыре, доходящее до самоуничтожения, напоминает жизнь Лавра при псковском Иоанно-Предтеченском монастыре. Обоих Арсенийев отличает и тяга к уединению, любовь к безмолвию. Жизненным девизом Лавра, которому он неуклонно следует, становится крылатая фраза Арсения Великого: “Много раз я сожалел о словах, которые произносили уста мои, но о молчании я не жалел никогда” [8, IX, с. 268].

Наконец, находим параллели и в финалах реального и вымышленного святого. Многие критики неоднозначно восприняли концовку романа Е. Водолазкина, когда толпа почитателей усопшего Лавра, привязав к ногам трупа лекаря веревки, волочет его к болоту. Однако то же происходит и с Арсением Великим, завещавшим похоронить его так: “Привяжите к ногам моим веревки и выбросите меня за гору” [8, IX, с. 267]. В местности, где доживал свои последние дни чудо-лекарь, не было гор, поэтому Лавр и выбрал иное место упокоения: “Когда я покину мое тело, им же согрешил есмь, не церемоньтесь с ним особенно. Привяжите к ногам веревку и тащите его в болотную дебрь на растерзание зверям и гадам” [3, с. 433]. То есть и в смерти он желает уподобиться Арсению Великому, который велел предать свое тело поруганию, чтобы умалиться перед лицом Господним, показать собственное ничтожество, избежав всенародного поклонения его праху. Такое поведение было в традициях православных святых. Аналогичные распоряжения относительно своих останков отдали

митрополит Киевский Константин I (+1159), преподобный Нил Сорский (+1508), ссылавшиеся в волеизъявлениях именно на завещание Арсения Великого.

Наряду с Арсением Великим важное место в судьбе героя романа Водолазкина играет и святой Христофор, в честь которого назван был дед юного Арсения. Примечательно, что память этого святого чествуют на следующий день после памяти Арсения Великого, 9 мая. Таким образом, дед и внук связаны не только узами крови, но и близостью святых покровителей. Думается, имя для старого знахаря было выбрано не случайно. Святой Христофор, как мы узнаем из его житий, обладал ярко выраженным дуализмом. По одним (православным) источникам, он имел уродливый облик и был звероликим, псоглавцем, обладая диким, неуравновешенным характером, который усмирился после принятия им крещения. “О сем преславном мученике, – говорится в его житии, – рассказывают нечто странное и необыкновенное, будто он имел песью голову и происходил из страны людоедов. Когда одним комитом он взят был на войне в плен, то не обладал даром человеческой речи” [8, IX, с. 289]. Другие источники, преимущественно западные, католические (“Золотая легенда” Иакова Ворагинского), описывают Христофора человеком высокого роста и большой силы. Трудясь перевозчиком, однажды он на собственной спине перенес через реку самого Христа и был им крещен. Отсюда его имя – Несущий Христа. Точно так же, в заплечной котомке носит внука дед. Причем и в отрочестве, и в старости (уже только в воображении завершающего жизненный путь Лавра): “Когда мальчик утомлялся, дед сажал его в сумку за плечами. Он нес его домой, и от мерного шага Христофора глаза мальчика слипались. Ему снилось, что он стал птицей харадром. Взяв на себя чужие язвы, он взлетает в поднебесье и развивает их над землей” [3, с. 409]. Несомый дедом Лавр преображается во Христа, берущего на себя человеческие грехи и спасающего людей.

Старик-травник Христофор стал для внука проводником как в профессию лекаря, в мир знаний, так и в большой мир вообще. “Еще ему (маленькому Арсению. – И. Ч.) нравилась икона святого мученика Христофора, висевшая под образом Спасителя. В ряду строгих русских икон она смотрелась необычно: святой Христофор был песьеголовцем. Дитя часами рассматривало икону, и сквозь трогательный облик кинокефала мало-помалу проступали черты деда. Лохматые брови. Пролегшие от носа складки. От глаз растущая борода. Проводя часть времени в лесу, дед все охотнее растворялся в природе. Он становился похожим на собак и на медведей. На травы и на пни. И говорил скрипучим древесным голосом” [3, с. 20]. Святой Христофор в романе “Лавр” – это православный святой, неразрывно связанный с русским фольклором с его лешими, кикиморами и водяными. “Растворившийся в природе” дед научил внука слушать природу, любить и понимать ее, обращаться с травами и общаться с диким зверьем. Не случайно с ними в одном доме живет волк, прежде спасенный людьми, а затем отдавший за них жизнь. Арсений–Устин–Амвросий–Лавр также постепенно приходит к растворению и слиянию с природой. Как в детстве волк, так в старости бок о бок с героем живет медведь, прирученный отшельником.

Мотив укрощенного святым дикого зверя довольно распространен как в православной, так и в католической агиографии. Так, приручают львов, сначала исцелив их (от ран или удалив из лапы занозу), святые Иероним Стридонский и Герасим Иорданский. Эпизод с прирученным волком находим в жизнеописании католического святого Франциска Ассизского. С медведями дружат русские святые Сергей Радонежский и Серафим Саровский. Кроме того, преподобный Сергей общался и с птицами. Ушедший в монастырь, а затем и в скит Лавр более всего схож с Сергием Радонежским – любимым святым учителя Евгения Водолазкина, академика Д. С. Лихачева, отмечавшего, что в эпизодах общения преподобного с животными “сверхъестественный момент относительно невелик. Это вообще одна из особенностей русских житий святых” [9, с. 9]. Отсутствие “сверхъестественного момента” характерно и для жития Лавра. “Поняв, что отказаться (от подношений пациентов. – И. Ч.) невозможно, Лавр стал делиться пищей с птицами и животными. Он разламывал хлеб надвое и распахивал руки, и на его руки садились птицы. Они клевали хлеб и отдыхали на его теплых плечах. Овсяную

кашу и репу обычно съедал медведь. Он никак не мог найти подходящей берлоги для сна, и это отравляло ему жизнь. Приходя к Лавру, медведь жаловался на морозы, отсутствие питания и свою общую неустроенность. В самые холодные дни Лавр пускал его в пещеру погреться, призывая гостя не храпеть во сне и не отвлекать его от молитвы. Само же их соседство Лавр предлагал ему рассматривать как меру временную. В самом конце декабря медведь все-таки нашел себе берлогу, и Лавр вздохнул с облегчением” [3, с. 411-412]. Описание чудес немного иронично, отчего повествование больше напоминает сказку, а сам Лавр похож не на христианского святого из жития, а на фольклорного лешего из русских сказок или, как подчеркивает автор, на собственного деда Христофора, который “растворился в природе”.

Слияние героя и природы под конец его земного существования подчеркивается и последним из четырех имен, которыми он звался на протяжении своей долгой жизни. “18 августа, когда Амвросий принимал большую схиму, было днем святых мучеников Флора и Лавра. С этого дня Амвросий стал Лавром. Старец Иннокентий сказал из отходной кельи: Хорошее имя Лавр, ибо растение, тебе отныне тезоименитое, целебно. Будучи вечнозеленым, оно знаменует вечную жизнь” [3, с. 401]. Из жития святых Флора и Лавра мы узнаем, что по профессии братья были каменщиками, но обладали и даром исцеления. Так, они вылечили сына языческого жреца, поранившегося на строительстве храма; “Святые Флор и Лавр со слезами начали молиться Богу о том, чтобы Он исцелил юношу и просветил не только его телесный глаз, но и душевные его очи. После усердной молитвы они осенили больной глаз юноши крестным знаменем, и глаз немедленно зажил, сделался совершенно здоровым и так же хорошо видел, как и прежде. Вследствие такого чуда уверовал во Христа не только исцеленный юноша, но и отец его, языческий жрец” [8, XII, с. 316]. В православной традиции святые Флор и Лавр, кроме строительства, также покровительствуют ветеринарам, то есть являются целителями, как и герой романа.

Два имени, которые носил герой между юностью и старостью, Устин и Амвросий, отсылают нас к житиям святых. Собственно, Устин – это производное мужское имя от женского Устина, принадлежавшего трагически скончавшейся невенчанной жене героя, что, в свою очередь, требует обращения к житию священномученика Киприана и святой Иустины (Юстины). Память их чествуется православной церковью 2 (15) октября. Из жития Иустины мы узнаем, что эта благочестивая девушка посвятила свое девство Христу и неукоснительно избегала скверны. Понуждаемый влюбленным в нее молодым аристократом Аглаидом, языческий жрец и чернокнижник Киприан всячески пытался склонить Иустину к отношениям с одержимым страстью парнем. “Иустина имела обычаем каждую ночь возносить молитвы ко Господу, – повествуется в житии. – И вот, когда она, по обычаю, вставши в третьем часу ночи, молилась Богу, то ощутила внезапно в своем теле волнение, бурю телесной похоти и пламя геенского огня. В таком волнении и внутренней борьбе она оставалась довольно продолжительное время: ей пришел на память юноша Аглаид, и у нее родились дурные мысли. Девушка удивлялась и сама себя стыдилась, ощущая, что кровь ее кипит как в котле; она теперь помышляла о том, чего всегда гнушалась как скверны. Но, по благоразумию своему, Иустина поняла, что эта борьба возникла в ней от диавола; тотчас она обратилась к оружию крестного знамения, прибегла к Богу с теплою молитвою” [8, II, с. 44]. Твердо пройдя через все испытания, Иустина приняла мученическую кончину и обрела вечное блаженство. Героиня “Лавра” Устина является полной противоположностью своей небесной покровительницы. Она не смогла побороть соблазн и предалась плотскому греху со своим спасителем Арсением, за что была наказана преждевременной и мучительной кончиной.

Вся дальнейшая жизнь героя направлена на то, чтобы избавить Устину от посмертных адовых мук. Приняв ее имя, Арсений–Устин пытается прожить жизнь за возлюбленную, прожить праведно и безгрешно. Этот сюжет напоминает как о древних православных святых, так и о новых праведниках, подвизавшихся подвигами во славу Божью. Так, в тексте романа упоминается святая Феодора, жена константинопольского царя-иконоборца Феофила (829-842 годы), отмолившая у Всевышнего грехи супруга: “Почудимся, братие, человеколюбю

Господа Бога нашего и разумеем, колико могут молитвы святителей его. Удивимся же вере и любви к Богу блаженныя царицы Феодоры: о таковых женах речено, яко и по смерти мужа спасет” [3, с. 389]. Однако в большей степени подвиг самоотречения Устина напоминает о житии блаженной Ксении Петербургской (XVIII век). Святая Ксения после скоропостижной и греховной смерти своего молодого супруга Андрея решила прожить жизнь “за него”, чтобы отмолиить грехи покойного. Для этого она переделалась в мужское (мужнино) платье и раздала все свое достаточно значительное имущество, сама же скиталась по Петербургу и его окрестностям [5]. Житель Петербурга Водолазкин, естественно, не мог обойти вниманием эту полную драматизма историю. Его герой не переодевается, подобно Ксении, в не свойственную его полу одежду и не заставляет окружающих обращаться к нему как к женщине, однако такое поведение было и невозможно в XV веке. Блаженная Ксения Петербургская жила уже после реформ Петра I и Екатерины II, когда в России привычными стали маскарады и переодевания женщин в мужские одеяния, а мужчин (что реже) – в женские. Во всем же остальном Лавр уподобляется блаженной Ксении, выходя за рамки привычного поведения.

Имя Амвросий герой принимает в память погибшего во время их совместного путешествия на Святую Землю друга-итальянца Амброджо Флеккиа. Оно напоминает об одном из великих учителей церкви, равно почитаемом католической и православной церковью, святителе Амвросии Медиоланском, день памяти которого в православии отмечается 7 (20) декабря. Святой Амвросий, как говорится в его житии, обладал великой ученостью, способностью убеждать оппонентов в их неправоте, творил чудеса, в том числе воскрешая людей из мертвых. Учеными мужами являются и Амброджо с Амвросием. И если последний наделен способностями исцелять людей, то Флеккиа умеет пронзять время, обгоняя его и поворачивая вспять.

С путешествием героя в Иерусалим связано упоминание имени еще одного святого – Симеона Богоприимца – праведника, прожившего 360 лет и скончавшегося сразу после встречи с младенцем Христом, которого принесли в храм Иерусалимский Мария с Иосифом Обручником (Сретенье Господне). “Арсений и Амброджо отправились поклониться Симеону. Опустившись на колени перед его нетленными мощами, Арсений сказал: Ныне отпускаеши раба Твоего по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи моя спасение мое. Знаешь, Симеоне, я ведь не ожидаю награды, сравнимой с твоей. А мое спасение заключается в спасении Устины и младенца. Возьми их в свои руки, как брал ты Младенца Христа, и отнеси их к Нему. Вот суть моей просьбы и моления” [3, с. 321]. Симеон упоминается в романе еще несколько раз, последний – незадолго до кончины Лавра, уже уставшего от земной жизни. В отличие от святого, дождавшегося исполнения пророчества о приходе Спасителя, герой Водолазкина не уверен в том, что его миссия спасти душу Устины увенчается успехом. Не случайно переписываемая им в это время история царицы Феодоры, добившейся прощения мужа-еретика, заканчивается отрезвляющим примечанием: “Обаче же помним, яко единая душа, едино житие есть время, и не уповаем чужими приносы спастися” [3, с. 389]. Спасаться нужно самому, а не уповать на помощь других.

Как бы опровержением этого, казалось бы, незыблемого постулата служит история спасения Лавром обесчещенной и беременной девушки Анастасии, завершающая повествование о жизни святого лекаря. Повторяется история Устины и Арсения. “Главный закон, по которому строится роман, – отмечает в этой связи А. Д. Маглий, – закон подобия. “Лавр” состоит из сцен, которые не повторяются, но подобны друг другу (их можно соотносить по закону подобия). Этим сцены напоминают греческие авантюры, свойством которых являлась возможность перестановки в пространстве и во времени. Сцена принятия родов Арсением у Устины подобна сцене принятия родов Лавром у Анастасии. История Христофора и его жены подобна истории Устины и Арсения, а та, в свою очередь, истории Строева и Александры Мюллер. Всё это вариации одной истории – Адама и Евы – и одного сюжета, описанного в Священном писании” [10, с. 185].

Сюжет спасения святым блудницы ценой собственной репутации находим в житии святого Виталия Александрийского, день памяти которого отмечается 22 апреля (5 мая): “Сей инок, будучи шестидесяти лет от роду, избрал себе такой род жизни, который для людей, видящих только внешнее в человеке, казался нечистым и греховным, для Бога же, взирающего на внутреннее и испытующего сердца человеческие, был угоден и благоприятен: ибо тот старец, желая тайно обращать к покаянию грешников и людей нечестивых, сам во мнении людей являлся грешником и нечестивцем” [8, VIII, с. 352]. Истину о духовном подвиге святого узнали только после его смерти. Лавра, подобно святому Виталию, также начинают презирать люди, еще недавно искавшие у него спасения и исцеления. Трагедия заключается в том, что чудо-лекарь с потерей веры в него пациентов сам утрачивает дар целительства. Из его жизни уходит чудо, тот самый “сверхъестественный момент”, о котором говорит Д. С. Лихачев. Именно после этого, осознавая свою никчемность, Лавр и делает распоряжение относительно собственных похорон.

Изучение текста романа Евгения Водолазкина “Лавр” позволяет сделать вывод о том, что одним из источников воссоздания местного колорита и характеров людей давно минувших эпох для автора послужила агиографическая литература, как православная, так и (в меньшей мере) католическая. Романист конструирует образ героя из элементов житий нескольких святых, представляя различные типы святости. При этом он старается избегать нехарактерных для русской агиографии “сверхъестественных моментов”, описаний явных чудес, главным из которых является присутствие Бога, отвечающего на мольбы святого, поддерживающего и ободряющего его в особо трудные моменты. Поэтика “Лавра” в этом плане показательна для уяснения особенностей трансформации жанра литературного жития в русской литературе, его бытования на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. “Большая книга”: лавры достались “Лавру”. Радио “Голос России”, 21.11.2013 URL: <http://www.bigbook.ru/smi/detail.php?ID=17644> (дата обращения: 31.07.2018).
2. Владимирова Т. С. Жанровое своеобразие романа Е. Водолазкина “Лавр”. *Жизнь провинции: История и современность*. Нижний Новгород : Книги, 2015. С. 24–28.
3. Водолазкин Е. Лавр. Москва : АСТ, 2013. 440 с.
4. Водолазкин Е. “Лавр” пошел по стопам Толстого. Вести.Uz. 17.02.2015. URL: <https://vesti.uz/ir-824/> (дата обращения: 31.07.2018).
5. Гиппиус А. С. Ксения Петербургская: сохранит здоровье и кров, подаст работу и пропитание, спасет детей и саму жизнь. СПб. : Глаголь Добро, 2010. 192 с.
6. Гладкова О. В. Житие. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Москва : НПК “Интелвак”, 2003. С. 267–270.
7. Грекова И. В. Жизнеописание святого: проблема определения жанра. *Мир науки, культуры, образования*. 2013. № 4. С. 37–39.
8. Димитрий Ростовский, Святитель. Жития святых: в 12 кн. Издание Свято-Введенского монастыря Оптиной Пустыни, 1997. (Репринтное издание Москва, 1905).
9. Лихачев Д. С. Сергей Радонежский и Франциск Ассизский. *Наука и религия*. 1992. № 1. С. 8–10.
10. Маглий А. Д. Жанровое своеобразие романа Е. Водолазкина “Лавр”. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 2015. № 1. С. 177–186.
11. Махинина Н. Г., Сидорова М. М. Историческое время в романе Е. Водолазкина “Лавр” (к постановке проблемы). *Филология и культура. Philology and Culture*. 2016. № 2 (44). С. 271–274.
12. Цветочки святого Франциска Ассизского. Москва : СП “Вся Москва”, 1990. 208 с.